30281

30281

3028.

ізойти немочно и о том вѣдомо чинить с обѣих сторон. А на том королевского величества дворяня Болтромѣй Голтщур с товарищи крест целовали и руки и печати свои приложили Писан на границы на Миузице дня 23 октября 1618 году.

3.—Добавленіе къ „Исторической запискѣ о дѣлѣ С.-Петербургскаго Университета 1821 г.“.

Историческая записка о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета по обвиненію профессоровъ Галича, Раупаха, Арсеньева и др. печаталась неоднократно. Сначала она была напечатана въ „Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс.“ 1862 г., кн. 3, стр. 179—205, затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ М. И. Сухомлиновымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“ (СПБ. 1866, стр. 132—159, изд. 2-е СПБ. 1889: „Изслѣдованія и статьи по русской литер. и просвѣщ., т. I-й). Наконецъ еще полнѣе она была напечатана въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Рос.“ 1866 г., кн. 3, стр. 61—164).

Но оказывается, что и тутъ она напечатана еще не въ окончательно полномъ видѣ. Засѣданій, посвященныхъ разбору дѣла было три: 3-го, 4-го и 7-го ноября 1821 г. Что происходило послѣ засѣданія 4-го ноября, ни въ одномъ изъ печатныхъ изданій не говорится. А между тѣмъ въ „Подлинномъ дѣлѣ Петербургскаго университета 1821 г.“, хранящемся въ Чертковской библіотекѣ Историческаго музея, этому посвящено нѣсколько страницъ и, какъ показываетъ содержаніе ихъ, не лишенныхъ интереса. Именно здѣсь разъясняется исторія тѣхъ подлоговъ, которые были совершены въ этомъ дѣлѣ помощникомъ Рунича Кавелинымъ и на основаніи которыхъ были сдѣланы заключенія о виновности названныхъ выше профессоровъ. Вотъ почему представляется небезполезнымъ напечатать и этотъ отрывокъ, чтобы „Дѣло“ предстало во всей своей полнотѣ.

Н. Кашинъ.

Въ назначенное время Плисовъ явился къ Г. Кавелину. Тутъ уже находился Толмачевъ и нѣкоторые изъ канцелярскихъ служителей.

Толмачевъ читалъ Плисову сочиненное имъ описаніе такъ называемаго возмутительнаго поступка Раупаха въ Присутствіи 3-го Ноября и спрашивалъ, не знаетъ[1]) ли онъ что либо поправить или прибавить. Сіе сочиненіе, хотя и походило на вавилонскую башню (о которой Г. Кавелинъ говорилъ по утру Плисову), однакожъ болѣе доказывало послѣдовавшее уже смѣшеніе языковъ или лучше сказать смѣшеніе умовъ. Въ самомъ дѣлѣ Толмачевъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Г. Кавелинъ, не въ состояніи будучи придумать ничего болѣе, полагали, что довольно и того, что Раупахъ

---

[1]) Вѣроятно описка вм. „желаетъ“.

Библиотека АН СССР

101215

сказалъ, а послѣ даже написалъ: что *нельзя подчинить его Закону, исполненіе коего превышаетъ возможность,* чтобъ назвать это поступкомъ противузаконнымъ, наглымъ, упорнымъ и возмутительнымъ; всѣ сіи и симъ подобныя дополненія были не что иное, какъ тропы и фигуры въ сочиненіи Толмачева, который объяснилъ оное Плисову въ слѣдующихъ достопримѣчательныхъ словахъ:

„Въ семъ отвѣтѣ Раупаха, говорилъ Толмачевъ, два предложенія: 1-ое *что нельзя подчинить его Закону,*—это возмущеніе и бунтъ: 2-е *что исполненіе законовъ превышаетъ возможность*—это подозрѣніе на Правительство, противузаконная наглость, дерзость и пр.(!!)!

Плисовъ не отвѣчалъ ничего на сіе толкованіе Толмачева, которое составляло то, что называется просто и въ одномъ предложеніи—*ябедою.*

Между тѣмъ Г. Кавелинъ приказалъ Плисову приводить въ порядокъ бумаги для составленія Протокола перваго чрезвычайнаго собранія 3-го Ноября.

Не находя между иными особаго мнѣнія Г. Балугіанскаго на 1-ый предложенный въ ономъ Собраніи Г. Руничемъ вопросъ: *Удовлетворительны ли отвѣты профессоровъ Германа и Раупаха,* Плисовъ спрашивалъ объ ономъ Г. Кавелина, который сказалъ, что *Г. Балугіанскій на сей вопросъ не подавалъ особаго мнѣнія,* Плисовъ пріискалъ собственноручный листъ, на которомъ Г. Балугіанскій отмѣченъ съ особымъ мнѣніемъ на сей вопросъ;—Г. Кавелинъ сказалъ, что *это ошибка.* Плисовъ представлялъ, что онъ самъ видѣлъ и поутру переводилъ сіе мнѣніе, но Г. Кавелинъ спорилъ и доказывалъ, что *это не правда.*

„Да не это ли оно“, прервалъ Канцелярскій служитель Корсуновъ, подавая отложенную Г. Кавелинымъ въ сторону и уже измятую бумагу, которую однакожъ онъ узналъ по почерку Плисова и которая въ самомъ дѣлѣ содержала Русскій переводъ того мнѣнія Г. Балугіанскаго; но оно все было *зачеркнуто перомъ* и Плисовъ переписалъ оное тутъ же на особый листъ приобщивъ къ прочимъ (однакожъ оно не внесено въ протоколъ. Къ стати Г. Кавелинъ тутъ же *смѣялся надъ совѣстью,* читая одно мнѣніе Профессора Грефе, въ которомъ между прочимъ сказано: *по чистой совѣсти.* Онъ утверждалъ потомъ, „что Грефе не можетъ говорить по чистой совѣсти о дѣлѣ *свояка* Раупаха“, и когда Плисовъ увѣривъ его, что между Грефе и Раупахомъ нѣтъ никакого родства, то Г. Кавелинъ все таки нашелъ чѣмъ упрекнуть совѣсть Грефе, сказавши, что его совѣсть *языческая,* потому что онъ не христіанинъ.

„Какъ вы думаете о совѣсти Галича?“ продолжалъ онъ, обратясь къ Плисову и нашедши предлогъ тутъ же выслать Корсунова.—*Мнѣ кажется,* прервалъ Толмачевъ, что его письменный отвѣтъ могъ бы и такъ остаться какъ онъ есть, если бы первой Протоколъ былъ уже подписанъ.—Плисовъ отвѣчалъ, что о совѣсти вообще судить трудно, что письменнаго отвѣта Галича онъ и не видалъ, и что Протоколъ надлежитъ составлять. Оставалось догадаться, какая связь между совѣстью Галича, его письменнымъ отвѣтомъ и подписаніемъ Протокола перваго собранія, въ которомъ

до Галича не доходило дѣло.—„Объ этомъ подумаемъ еще послѣ“, сказалъ Г. Кавелинъ, когда Корсуновь возвратился, и потомъ началъ говорить объ Арсеньевѣ, что Арсеньевъ обвинялся только *за компанію Германа,* и вмѣсто того, чтобы притти къ нему, по неоднократному приглашенію чрезъ Рогова, онъ бросился къ великому князю и пр. (какъ сказано уже выше).

„Однакожъ на самомъ дѣлѣ не худо бы хоть теперь раскаяться и Арсеньеву, сказалъ онъ наконецъ, только пускай Дмитрій Павловичъ (Руничь) самъ это дѣлаетъ какъ хочетъ; я ни за что не ручаюсь; я имѣлъ уже съ нимъ неудачной опытъ; онъ меня же оставилъ въ дуракахъ и проч.

Толмачевъ говорилъ, что онъ беретъ это на себя, что онъ надѣется и почти увѣренъ, что Арсеньевъ теперь не будетъ такъ *бришкашь*, какъ прежде.

Между тѣмъ какъ сей любопытный во многихъ отношеніяхъ разговоръ продолжался, Плисовъ приводилъ въ порядокъ бумаги, для составленія протоколовъ.

Во 2-мъ предложенномъ для мнѣнія Конференціи Г. Руничемъ вопросѣ: *Можно ли допустишь мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, составленныхъ въ Главномъ правленіи училищъ, Законными и на собственномъ ихъ ученіи основанными*, Плисовъ замѣтилъ, что слово *Законными* вымарано. „Это вѣроятно вы сами сдѣлали, сказалъ Г. Кавелинъ, потому что это слово (законными) въ самомъ Собраніи, по общему согласію отмѣнено; это вѣрно случилось въ минуту вашего отсутствія изъ Собранія, если вы того не помните и пр.—Плисовъ увѣрялъ, что онъ изъ Собранія не отлучался ни на минуту; что не слыхалъ въ ономъ никакого сужденія объ отмѣненіи онаго слова; что такимъ образомъ отрицательные отвѣты членовъ на оной вопросъ примутъ другой смыслъ, а нѣкоторыя особыя мнѣнія другихъ профессоровъ не будутъ имѣть непосредственнаго отношенія къ вопросу, наконецъ сказалъ Пиисовъ: это самой тотъ листъ, которой я сегодня уже поутру переписалъ на бѣло и на семъ самомъ листѣ кѣмъ-то вымарано слово Законными.—

„Потрудитесь же переписать это еще разъ такъ, какъ оно есть, отвѣчалъ на всѣ сіи представленія Г. Кавелинъ, я беру это на свою отвѣтственность, если вы сомнѣваетесь. Да у васъ я вижу есть какія-то затѣи“, прибавилъ онъ. „Совсѣмъ никакихъ, сказалъ Плисовъ, и въ доказательство этого я сію минуту исполню ваше приказаніе“. Вотъ это гораздо важнѣе и лежитъ на вашей отвѣтственности“, сказалъ потомъ Г. Кавелинъ Плисову, показывая его переводъ мнѣнія Г. Балугіанскаго на 3-й предложенный въ Собраніи вопросъ: *судя по выпискамъ*, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, какого мнѣнія Конференція о *подобномъ ученіи* и о благонадежности профессоровъ, какъ наставниковъ юношества. Въ семъ переводѣ мнѣнія Г. Балугіанскаго на сей вопросъ условная частица бы вездѣ вымарана.—Это я сдѣлалъ, сказалъ Г. Кавелинъ и именно для того, чтобъ избавить васъ отъ стыда въ незнаніи Французской Граммати-

ки, а можетъ быть и отъ другого еще важнѣйшаго упрека, чего однакожъ я не предполагаю и пр.“.

Тутъ начался между Г. Кавелинымъ и Плисовымъ Грамматическій споръ, который кончился тѣмъ, что первый принудилъ послѣдняго переписать свой переводъ съ помянутою поправкою и потомъ Г. Кавелинъ изорвалъ тутъ же тотъ листъ, съ котораго диктовалъ оной Плисову.

Потомъ Г. Кавелинъ отозвалъ Толмачева за перегородку и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ шопотомъ. Въ продолженіи того времени Плисовъ нашелъ между бумагами къ Протоколу перваго Собранія особый листъ, на которомъ рукою одного Канцелярскаго служителя написанъ былъ оной третій предложенный Г. Руничемъ въ Собраніи вопросъ, но съ пропускомъ словъ: *судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ*. Онъ немедленно списалъ сей вопросъ своеручно на особый листъ, приобщивъ оный къ прочимъ; подложный же листъ (на которомъ впрочемъ ничего болѣе не было, кромѣ измѣненнаго пропускомъ словъ онаго вопроса) надралъ, но оставилъ тутъ же.

Г. Кавелинъ, возвратясь на прежнее мѣсто, насказалъ Плисову множество ласковыхъ словъ на счетъ личнаго его характера, увѣрялъ его въ благорасположеніи къ нему Г. Министра, въ признательности Г. Рунича и въ своемъ *душевномъ почтеніи*, сулилъ ему двѣ, а потомъ даже три каѳедры при Университетѣ и т. п.

Между тѣмъ время продолжалось[1]) къ полуночи. Г. Кавелинъ отпускалъ Плисова подъ тѣмъ предлогомъ, что его домашніе могутъ объ немъ безпокоиться и что теперь уже поздно приниматься за составленіе протокола. „Не безпокойтесь, и завтра, сказалъ онъ ему, я за вами пришлю, *а между тѣмъ* я надѣюсь, что *вы заслужите должное къ Секретарю довѣріе*.—„Я явлюсь въ ту самую минуту въ минуту, которую угодно вамъ будетъ приказать“, отвѣчалъ Плисовъ.

„*Довѣріе къ секретарю не въ этомъ одномъ состоитъ*?“—„Понимаю!“ сказалъ Плисовъ съ знакомъ чистосердечнаго увѣренія и потомъ откланялся.

На другой день (5 Ноября часу въ 11-мъ) Плисовъ получилъ чрезъ Экзекутора приказаніе явиться къ Директору.

„Вы гдѣ нибудь уже успѣли побывать?“ спросилъ его при первой встрѣчѣ Г. Кавелинъ.—„Нигдѣ; я теперь прямо изъ дому“, отвѣчалъ Плисовъ.

Г. Кавелинъ не зналъ, вѣрить ли тому или не вѣрить; можетъ быть потому, что отряженный отъ него сторожъ, которому, какъ говорятъ, приказано было, ходя въ задъ и въ передъ подлѣ квартиры Г. Балугіанскаго, замѣчать, кто къ нему входитъ и выходитъ (котораго еще и въ послѣдствіи иногда видѣли тамъ по цѣлымъ днямъ), не могъ еще извѣстить его, былъ ли уже Плисовъ у Г. Балугіанскаго.

---

[1]) Вѣроятно, описка вмѣсто „приближалось“.

Потомъ Г. Кавелинъ объявилъ Плисову, что Протоколы уже составлены Толмачевымъ и что онъ цѣлую ночь вмѣстѣ съ нимъ работалъ.

Одинъ канцелярскій служитель, который также ночью переписывалъ оные, цо распросамъ Плисова, высказалъ ему всѣ главнѣйшіе изъ предложенныхъ Г. Кавелинымъ подлоги. Въ дополненіе къ онымъ Плисовъ узналъ еще одинъ.

Г. Кавелинъ въ его присутствіи притворился, что не знаетъ, куда дѣвался подлинный отвѣтъ Галича, между тѣмъ какъ тогда же съ Галичемъ шли уже переговоры, а потомъ онъ долженъ былъ самъ явиться и написать другой отвѣтъ сообразнѣйшій съ намѣреніемъ Г. Кавелина. Говорятъ также, что Галича тутъ же водили въ находящуюся въ домѣ церковь; и разсказываютъ при томъ много почти неимовѣрнаго.

Въ слѣдующій день (Ноября 6) намѣревались съ привѣтомъ Арсеньева сдѣлать то же.

Арсеньевъ призванъ на домъ къ Г. Кавелину, котораго именемъ Толмачевъ уговаривалъ его и упрашивалъ „сходить въ Главное Правленіе Училищъ и тамъ отъ имени Г. Рунича спросить отъ Г. Бирюкова извѣстныя уже ему книги: *Смита, Шторка, Якоба, Неймана и Германа;* прискать въ оныхъ такія мѣста, кои бы подходили *сколько нибудь* къ тѣмъ, коими его упрекаютъ, замѣтить страницу, другую, третью, а потомъ новый отвѣтъ въ дополненіе къ прежнему, и признавши свою вину во всемъ наконецъ сказать: при изданіи моей книги („Статистики“) я слѣдовалъ дѣлу времени и увлеченъ былъ тѣми заблужденіями, кои разсѣяны въ политическихп сочиненіяхъ вообще, а преимущественно въ наименованныхъ книгахъ! наконецъ изъявить во всемъ раскаяніе!!!

Предложеніе сіе, коего содержаніе ужасаетъ всякаго, не могло не привесть въ удивленіе и негодованіе Арсеньева. Онъ не послѣдовалъ симъ благимъ совѣтамъ.

4.—Къ вопросу о броженіи 1650 года.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ есть отрывокъ розыскного дѣла, который показываетъ, что броженіе 1650 г. не ограничилось Новгородомъ и Псковомъ: клинскій посадскій толкуетъ на перевозѣ, что въ Псковѣ и въ Новгородѣ „стали за правду“; при этомъ онъ передаетъ то же, что разсказывали въ бунтующихъ городахъ о мнимомъ замыслѣ Морозова завоевать вмѣстѣ съ нѣмцами Русскую землю (см. *Соловьевъ* Ист. Рос. съ др. вр., комп. изд., т. 10, гл. 2, стр. 1535 и 1544; см. еще обвиненія Морозова въ измѣнѣ въ 1648 г.—въ Москвѣ и въ Сольвычегодскѣ: *Платоновъ*. Ст. по рус.ист., стр. 89 и *Соловьевъ* op. cit, стр. 1520—1521). О новгородскихъ челобитчикахъ сообщается, будто бы Морозовъ ихъ „невѣдомо гдѣ дѣлъ“. Сначала на допросѣ этотъ посадскій сказалъ, что говорилъ со словъ проѣзжихъ и прохожихъ людей, а потомъ заявилъ, что говорилъ со словъ псковичей и новгородцевъ, ѣхавшихъ съ

Москвы. Такія розыскныя дѣла и могли способствовать тому, что сейчасъ послѣ собора о Псковскомъ бунтѣ „призваны были черныхъ сотенъ сотскіе въ Посольскій приказъ, и говорено имъ, чтобъ извещали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить, или въ народъ вмѣщать“ (см. *Соловьевъ*, op. cit, стр. 1548). Въ виду интереса этого отрывка я и печатаю его. Кромѣ отрывка розыска мнѣ попалась въ другомъ мѣстѣ переписка о высылкѣ на Москву семьи и животовъ Трунила, изъ которой мы узнаемъ о приговорѣ.

М. Островская.

158 г.,[1]) апрѣля въ 15 день. Богданъ Ушаковъ сказалъ: „какъ я ѣду къ Москве съ отписки отъ боярина отъ князя Ивана Никитича Хованского и, не доѣхавъ Клина за пять верстъ, на рекѣ, на яму, пріѣхали для перевозу мужики ис Клина. И изъ тѣхъ мужиковъ говорилъ Клинской посадцкой человѣкъ Ивашко Матвѣевъ, прозвищемъ Трунило, что де во Пскове и в Новѣгороде стали за правду, что бочки з золою, а тѣ бочки съ селитрою[2]). А боярину Борису Ивановичю итти было въ Печеры, изъ Печеръ взять Псковъ съ Немецкими людьми, изо Пскова итти подъ Новгородъ, ис подъ Новагорода подъ Москву. А что де челобитчики Новгородцкіе пріѣхали, и Борисъ де Морозовъ самъ выезжалъ да и невѣдомо ихъ гдѣ дѣлъ“.

А письмо та скаска его Богданова рука.

И тотъ мужикъ сысканъ.

И государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи указалъ того Клинскаго мужика Ивашка Трунила роспросить окольничему Василью Васильевичю Бутурлину да *думному* діаку Михайлу Волошенинову.

И апрѣля въ 25 день тотъ Клинской мужикъ Ивашко Трунило роспрашиванъ и въ роспросе сперва запирался, а, постоявъ не мало, сказалъ, что онъ такіе рѣчи, что написаны въ Богданове письмѣ, ему Богдану сказывалъ. А слышелъ де онъ про то отъ проѣзжихъ и отъ прохожихъ людей, которые ѣхали мимо Клину на перевозъ передъ Богдановымъ проѣздомъ незадолго. А отъ ково имянемъ слышелъ, про то не вѣдаетъ. А после сказалъ: слышелъ де онъ ото Псковичъ и отъ Новгородцовъ, кото-

---

[1]) Прик. д. ст. л., 1650 г., № 34) 1650 г., апрѣля съ 15 по мая 21. Отрывокъ розыскного дѣла о рѣчахъ клинскаго посадскаго Ивана Трунила про новгородскія и псковскія волненія, слышанныхъ отъ него на перевозѣ, за пять верстъ до Клина, Богданомъ Ушаковымъ, ѣхавшимъ въ Москву съ отпиской отъ Хованскаго.

[2]) См. *Соловьевъ* Ист. Рос. съ др. вр., т. 10, гл. 2, стр. 1535: „27 марта собралась толпа, поѣхали на московскую дорогу, привезли 30 бочекъ золы и объявили, что привезли селитру, которую Морозовъ отпустилъ къ нѣмцамъ“.

рые ѣхали съ Москвы, а имянъ имъ не вѣдаетъ. И опричъ де Богдана с ынымъ ни съ кѣмъ такихъ речей онъ не говаривалъ.

И апрѣля въ 26 день у пытки Ивашко Трунило роспрашиванъ и пытанъ накрепко: было ему 21 ударъ; говорилъ прежніе свои рѣчи, что и въ роспросе сказывалъ, что слышелъ такіе рѣчи у проѣжихъ людей на перевозе, а у кого имянемъ, того, сказалъ, не вѣдаетъ.

И маія въ 21 день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу тотъ Клинской мужикъ Ивашко Трунило у пытки роспрашиванъ накрепко, чтобъ сказалъ подлинно въ правду, отъ кого онъ Ивашко такіе рѣчи слышалъ, и опричь Богдана Ушакова с ыными людьми про то говорилъ ли и съ кѣмъ имянемъ, и на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ чиновъ людемъ тѣ рѣчи вмещать хотѣлъ ли.

На трехъ ставахъ.

(Л. 22). Лѣта 7159 г.[1]), сентября въ 12 день. По государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу окольничему князю Ивану Ивановичю Лобанову Ростовскому да дьяку Ивану Протопопову. Указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи Клинянина посадцкого человѣка Ивашка Трунила з женою и з детьми и со всѣми животы сослати на украйну на житье. И Ивашко Трунило на Москвѣ за приставомъ, а жена ево и дѣти ныне въ Клине. И по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу окольничему князю Ивану Ивановичю и дьяку Ивану велѣти послать, государева царева и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота въ Клинъ къ приказному человѣку и велѣти того Клинянина посадцкого человѣка Ивашка Трунила жену з детьми и со всѣми крестьянскими животы прислать къ Москве тотчасъ съ кѣмъ пригоже; а дворъ и всякое строенье велѣти продати, а что по продаже денегъ возьмутъ, и тѣ деньги велѣти прислати ко государю къ Москве, а отписку и деньги велѣти отдати и тоѣ Ивашкову жену и детей объявить окольничему Василью Васильевичю Бутурлину да думному діаку Михайлу Волошенинову.

Припись: Думной діакъ Михайло Волошениновъ.

На оборотѣ: послать государева грамота тотчасъ·

(Л. 23). Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи въ Клинъ воеводе нашему Ивану Дмитреевичю Ростопчину. Въ Устюжскую четь къ окольничему нашему ко князю Ивану Ивановичю Лобанову Ростовскому да къ дьяку нашему къ Ивану Протопопову въ памяти изъ Посольского приказу за приписью думногонашего дьяка Михайла Волошенинова написано: указали мы Клинянина посадцкого человѣка Ивашка Трунила з женою и з детьми и со всѣми животы сослати на украйну на житье, и Ивашко Трунило на Москвѣ за приставомъ, а жена ево и дѣти ныне въ Клине. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ того

---

[1]) Прик. д. ст. л., 1650 г., № 78.

Клинянина посадцкого человѣка Ивашка Трунила жену з детьми и со всѣми ево крестьянскими животы прислалъ къ намъ къ Москве тотчасъ съ кѣмъ пригожъ, а дворъ и всякое строенье велѣлъ продать, а что по продаже денегъ возьмутъ, и ты бъ тѣ деньги прислалъ къ намъ къ Москве, а отписку и деньги велѣлъ подать и тоѣ Ивашкову жену и детей объявить въ Устюжской чети окольничему нашему князю Ивану Ивановичю Лобанову Ростовскому да дьяку нашему Ивану Протопопову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7159 г., сентября въ 13 день.

На оборотѣ: Столпъ о всякихъ дѣлѣхъ нынешняго 159-го году. Столпъ о всякихъ делехъ.

(Л. 83). Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи холопъ твой Ивашко Ростопчинъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, во 159-мъ году, сентября въ 30 день, прислана ко мнѣ холопу твоему въ Клинъ твоя государева царева и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота изъ Устюжскіе чети за приписью діяка Ивана Протопопова, а по твоей государеве грамоте велено мнѣ, холопу твоему, прислать къ Москве въ Устюжскую четь Клинянина посацкова человѣка Ивашка Трунилова жену и съ ихъ детьми и з животы и дворъ, государь, ево Ивашковъ и всякое дворовое строенье продать. И я холопъ твой тое посадцкого человѣка Ивашка Трунила жену сь ихъ детьми и з животы послалъ къ тебѣ государю къ Москве съ Клиняны жъ съ посацкими людьми, съ Борискомъ Михайловымъ съ товарыщи, и велѣлъ имъ съ ними явитися въ Устюжской чети твоему государеву окольничему князю Ивану Ивановичю Лобанову Ростовскому да дьяку Ивану Протопопову. А на дворъ, государь, на ихъ вскоре купца нѣтъ. И какъ я, холопъ твой, тотъ ихъ дворъ велю продать, и тѣ деньги за дворъ пришлю къ тебѣ государю къ Москве тотчасъ.

Немного порвана.

На оборотѣ: Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи.

159 г., октября въ 8 день подалъ ис Клина Бориско Михайловъ.

Помѣта: Отослать жонку въ Посольской приказъ.

(Л. 84). Лѣта 7159 г., октября въ 11 день. По государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу окольничему Василью Васильевичю Бутурлину да думному дьяку Михайлу Волошенинову. Въ нынешнемъ во 159-мъ году, сентября въ 13 день, по памяти ис Посольского приказу за твоею Михайловою приписью, послана наша государева грамота изъ Устюжскіе чети въ Клинъ къ Ивану Ростопчину, а велено Клиненина посацкого человѣка Ивашка Трунила жену з детьми и со всѣми ево крестьянскими животы прислать къ намъ къ Москве тотчасъ съ кѣмъ пригожъ, а дворъ и всякое строенье велено продать и деньги прислать къ Москве. И въ нынешнемъ во 159-мъ году, октября въ 8 день, писалъ ко государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіи ис Клина Иванъ Ростопчинъ и прислалъ съ Клинянином съ посацкимъ человѣкомъ, з Борискомъ Михайловымъ, съ товарыщи тоѣ

Ивашкову жену з дѣтьми и з животы, а на дворъ де вскоре купца нѣтъ, а какъ тотъ дворъ продадутъ, и онъ Иванъ за тотъ дворъ деньги ко государю къ Москве пришлетъ тотчасъ. И изъ Устюжскіе чети та Ивашкова жена з детьми къ тебѣ окольничему къ Василью Васильевичю и къ думному діаку Михайлу послана Устюжскіе чети съ приставомъ сь Елизаромъ Юсовымъ.

На оборотѣ: Столъпъ о всякихъ делехъ—первая половина 159-го году.

5.—Новые матеріалы для біографіи перваго русскаго доктора П. В. Постникова.

(Письма его къ Петру Великому за 1695 и 1696 гг.)

Личность и дѣятельность извѣстнаго доктора и дипломата Петровскаго времени П. В. Постникова привлекала къ себѣ, за послѣднее время, два раза вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Въ 1894 году профессоръ Е. Ф. Шмурло издалъ въ Юрьевѣ свой трудъ „П. В. Постниковъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи“ (8°, 166 стр.), а въ 1896 году профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ напечаталъ въ Варшавѣ историко-біографическій очеркъ „Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ“ (8°, 63 стр.).

Въ обоихъ этихъ трудахъ не имѣется свѣдѣній о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ Постниковъ по полученіи имъ 2 мая 1695 года диплома на званіе доктора Падуанскаго университета до весны 1697 года, когда ему было велѣно состоять при такъ называемомъ великомъ посольствѣ. 3 марта 1697 года Постникову было приказано ѣхать изъ Амстердама въ Вѣну, куда первоначально предполагало отправиться великое посольство, но затѣмъ, когда маршрутъ послѣдняго былъ измѣненъ и было рѣшено ѣхать изъ Кенигсберга въ Голландію, 19 мая того же года Постникову было отправлено одновременно два письма: въ Вѣну,—на случай если онъ туда уже пріѣхалъ изъ Амстердама—съ приказаніемъ возвращаться скорѣе обратно, и въ Амстердамъ—оставаться тамъ и ждать, если онъ еще не успѣлъ выѣхать [1]).

„Когда и зачѣмъ Постниковъ поѣхалъ въ Амстердамъ, остается совершенно неизвѣстнымъ,—говоритъ г. Шмурло [2]),—тѣмъ болѣе, что и на самое пребываніе его въ Голландіи нѣтъ прямыхъ указаній“.

Въ напечатанномъ г. Цвѣтаевымъ докладѣ Посольскаго приказа, отъ марта 1701 года, объ опредѣленіи Постникова, по возвращеніи его изъ заграничнаго пребыванія въ Москву, на службу въ Аптекарскомъ и Посольскомъ приказахъ читается, между прочимъ, слѣдующее: „Въ прошломъ въ 200 году по имянному великого государя... указу отпущенъ съ Москвы

---

[1]) Шмурло, П. В. Постниковъ, стр. 27—28.

[2]) Тамъ же, стр. 26.

Петръ Васильевъ сынъ Посниковъ въ Венецыю для совершенія свободныхъ наукъ въ Потавинскую[1]) Академію... И съ того 200-го году по 205 годъ для вышеимянованныхъ наукъ былъ онъ въ розныхъ окрестныхъ государствахъ. А въ 205 году, какъ по имянному великого государя указу посланы въ окрестные государства великіе и полномочные послы генералъ и адмиралъ Францъ Яковлевичь Лефортъ съ товарыщи, и въ то время по его жъ, великого государя, указу и по грамотѣ изъ Государственного Посолского приказу ему, Петру, велѣно быть для его, великого государя, дѣлъ при нихъ, великихъ и полномочныхъ послѣхъ“[2]). Въ какихъ именно „разныхъ государствахъ“ былъ Постниковъ до 1697 года для изученія наукъ, въ документѣ ничего не сказано.

При занятіяхъ моихъ въ Государственномъ архивѣ по подготовленію къ печати „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ за 1708 годъ мнѣ встрѣтилось въ книгѣ № 8 II-го отдѣленія Кабинета Петра Великаго, содержащей въ себѣ документы преимущественно за 1708 годъ, пять писемъ Постникова къ Петру Великому за 1695 и 1696 годы, восполняющихъ вышеуказанный пробѣлъ въ біографіи перваго русскаго доктора.

Эти письма Постникова ускользнули въ свое время отъ вниманія Устрялова и Пекарскаго. Въ примѣчаніяхъ къ „Письмамъ и бумагамъ императора Петра Великаго“, по самому плану изданія, письмамъ этимъ не могло быть дано мѣсто, такъ какъ они не служатъ объясненіемъ къ письмамъ самого государя.

А между тѣмъ эти письма Постникова содержатъ въ себѣ новыя данныя для его біографіи и любопытны для характеристики его личности и потому заслуживаютъ быть изданными. Изъ нихъ видно, что, по полученіи докторскаго диплома въ Падуѣ, Постниковъ жилъ въ Венеціи, откуда, во второй половинѣ октября 1695 года, отправился въ Парижъ „для бо́льшаго совершенія въ медицинѣ“. Въ концѣ февраля 1696 года онъ еще находился въ столицѣ Франціи. Затѣмъ черезъ Брюссель (откуда онъ писалъ Петру Великому 16 августа 1696 г.) онъ направился въ Голландію, и въ концѣ 1696 года мы застаемъ его въ Лейденѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Изъ Лейдена Постниковъ, очевидно, и переѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ въ апрѣлѣ 1697 года и получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи великаго посольства.

Считаю долгомъ принести искреннюю благодарность директору Государственнаго архива С. М. Горяинову за исходатайствованіе мнѣ разрѣшенія напечатать въ „Чтеніяхъ“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ новонайденныя письма Постникова къ Петру Великому.

И. Бычковъ.

---

[1]) Т. е. Падуанскую.

[2]) Цвѣтаевъ, Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ, стр. 54—55.

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *